

ОДНО КЁНИГСБЕРГСКОЕ
ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ
БЕЗ УЧАСТИЯ КАНТА

Й. Конен*

Предмет статьи – историко-документальный анализ коллективного «портрета» участников застольных встреч в Кёнигсберге, описанных в романе Теодора Готлиба фон Гиппеля «Жизнеописание по восходящей линии», бывшего в течение многих лет бургомистром Кёнигсберга, анонимно занимавшегося писательской деятельностью и устраивавшего, как и Кант, у себя в доме застолья друзей. При этом проводится сопоставление эпического портрета самого Гиппеля как одного из персонажей романа, хозяина застолий в «Жизнеописаниях...» с картиной Эмиля Дёрстлинга, изображающей застолье у Канта с участием местных знаменитостей, среди которых на переднем плане изображен также и Гиппель, бывший другом великого кёнигсбергского мыслителя. Копию этой картины можно видеть сегодня в музее Канта в Кафедральном соборе в Калининграде.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Восточная Пруссия, застолье, Кант, Гиппель, «Жизнеописание по восходящей линии», автопортрет, Дёрстлинг, групповой портрет, застольные друзья, интеллектуальное и творческое общение, досуг, традиция.

Легенды о собраниях застольных друзей Иммануила Канта стали ходить со времени свидетельств его первых биографов и современников [6]; также знамениты были блестящие приемы в салонах графини Кайзерлинг [14] и коммерческого советника Якоби. Но существовали и другие сообщества друзей. Литературные произведения Иоганна Тимофея Гермеса [2], Людвиг Бачко и других свидетельствуют об этом в форме остроумных замечаний или зарисовок [7–9; 13].

Жители Кёнигсберга любили собираться и любили общение. Это лучше всего поняли, по-видимому, русские, занявшие во время Семилетней войны (1756–1763) столицу Восточной Пруссии. И это было совершенно неудивительно для одного из крупнейших для того времени городов Германии, насчитывавшего

* Люксембургский университет, Люксембург, Рус де Парк, 31.

Поступила в редакцию 05.08.2013 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2013-4-6

© Конен Й., 2013

к середине столетия 50 тыс. жителей. Жители города с единственным в регионе университетом, гарнизоном в 5 тыс. солдат, с хорошо развитой торговлей и коммерческой деятельностью, с самым отдаленным торговым портом Прусского королевства, с зажиточной и обладавшей многочисленными родственными и общественными связями с зарубежьем аристократией, с активным масонским движением, будучи предоставлены друг другу, сами обеспечивали духовную жизнь в столице Восточной Пруссии. Крупный провинциальный город с его в целом малочисленным, бедным, скорее запущенным центральной властью в Берлине населением, был географическим и культурно-историческим островом на пространстве, рассматриваемом с западного направления в качестве какой-то второсортной территории и последнего перевалочного пункта на пути в бескрайние просторы Российской империи. Разношерстное по своему составу население, в котором доминировал буржуазный элемент всех оттенков, но тон задавала авторитетная именитая аристократия, не терпело скуки. Лучшие представители гражданского сословия и аристократии собирались для интеллектуального общения и веселого времяпровождения.

И если Кант, будучи уже в зрелом возрасте, тщательно организовывал свои застолья, то не следует думать, что до этого он не желал видеть у себя гостей, ведь философ уже давно пользовался в различных салонах местного общества славой «галантного магистра».

Однако и Теодору Готлибу фон Гиппелю (1741 – 1796), бывшему коллеге Канта на 25 лет и, между прочим, ученику Канта, удалось уже в молодые годы войти в высшее общество. Его необычное членство в местной масонской ложе под названием «У трёх корон», головокружительная карьера адвоката, избрание в местное городское управление (магистрат) и неожиданное назначение местным правительством и королем в конце 1780 г. управляющим бургомистром Кёнигсберга сделали его как талантливого администратора самым знаменитым лицом в городе, присутствие которого в высших кругах было весьма желательным. В целом следует делать различие между обществами, которым он отдавал предпочтение как более светским и более связанным с его административной деятельностью, и обществом Канта, даже если их обоих можно было часто видеть вместе в определенных кругах. Кстати, написанная позднее картина Эмиля Дёрстлинга, изображающая застолье у Канта с участием местных знаменитостей, полноразмерную копию которой можно видеть сегодня в музее Канта в Кафедральном соборе, была всего лишь плодом фантазии [12]. Между тем сохранились довольно подробные описания собраний застольных друзей Канта его современниками и первыми биографами. Однако Гиппель оставил нам свое литературное описание в своем самом значительном произведении, а именно во втором томе [5] эпохального романа «Жизнеописание по восходящей линии» [4]. Этот документ был хронологически создан раньше, чем описание Кантовых застолий, – вероятно, в 1778 г.; он содержит весьма тщательно выполненный автопортрет, правда в завуалированной форме, нацеленный отчасти на то, чтобы показать критическое отношение к некоторым персонажам, описываемым в этом произведении. В нем фигурирует немало других лиц – не только те, с которыми имел обыкновение общаться почтенный профессор Альбертины. Во всяком случае, это полотно – художественный вымысел, представляющий в нюансах несколько иную картину, чем та, на которой для потомства запечатлен круг застольных друзей Канта.

Приятельские и дружеские собрания с целью интеллектуального общения стали во второй половине XVIII столетия в Кёнигсберге обычаем. На этом обширном административном культурном пространстве, находившемся на значительном удалении от ближайших крупных городов, которое вместе с тем парадоксальным образом благодаря порту, наличию водной артерии и близости к столице России принимало путешественников со всего мира, была создана своя система творческого общения, включавшая не только представителей дворянства и аристократии, но и простых любознательных граждан.

Еще во времена Платона и даже, судя по Библейским описаниям, раньше люди неохотно вкушали в одиночку. Мужчины-холостяки — а их было немало в Кёнигсберге — редко принимали пищу в одиночестве. Так и Кант, который, впрочем, любил вкусно поесть, так что Гиппель однажды сказал, что ему (Кант. — *Примеч. пер.*) следовало бы написать «Критику кулинарного искусства» (*Kritik der Küche*), любил совместные трапезы. Гаман непрерывно «откушивал» у Гиппеля. Лаузон и Бачко заботливо поддерживали контакты со своими приятелями по общению. У людей не было желания есть подобно монахам, которые за скудным общественным столом должны были выслушивать только чужую, вещаемую им духовную пищу. Таким образом, на протяжении нескольких поколений была создана особая манера общения, которая благодаря обоюдному принятию дара и дарению поддерживала и обогащала не только чисто телесное наслаждение пищей, но вместе с тем совместную потребность в культуре, обусловленную наличием университета, торговли, провинциальным правительством и проезжими путешественниками.

Объемное сочинение Гиппеля — по сути, можно говорить о разновидности двойного репортажа, — о котором здесь пойдет речь, имеет следующее содержание:

Наше знакомство поддерживалось, помимо знакомства с двумя соседями, с домом одного окружного судьи, на адрес которого наш предок оставил денежный перевод. Этот судья женился из-за денег на одной богатой женщине, детей он не имел. Ему нужны были несколько молодых людей в качестве компаньонов для его частых застолий, и хотя эти места оказались уже заняты, он относился с уважением к адресу нашего предка, память о котором вообще была в чести. Я редко принимал участие в этом времяпровождении. Между тем у этого судьи мы познакомились с одним королевским советником, который отличался внешностью и умом и умел сохранять достоинство в глазах каждого. Ему было лет сорок. Он обладал утонченными познаниями, читал древних и знал писателей Нового времени. Он не стремился к тому, чтобы его слушали или почитали; но где бы ни находился, он излучал искры света. Он никого не притеснял, не уничтожал зародыши остроумия у молодежи, сидящей с ним за столом, подводя сок к своим усыхающим от возраста ветвям. Ум и остроумие оставались для него умом и остроумием, откуда бы они ни появлялись. Он хорошо знал, что не всякое яблоко, сброшенное ветром, спелое. То, что он говорил, не было назиданием, жизненной мудростью. В окружном суде он говорил как окружной судья — и ни о чем другом кроме драк, новых бракосочетаний, убийств и тому подобного. Между тем наш советник умел быть оригинальным в самых обыденных вещах. Часто он хранил полное молчание, а затем было видно, что он благоразумно отказывался иметь что-либо общее с фальшивыми игроками в обществе. Когда он гово-

рил, я находил в его словах столько своеобразия, что тысячу раз желал, чтобы он написал об этом или, по крайней мере, не прекращал говорить. Он никогда не поправлял суждение, высказанное кем-либо в обществе, не выдавал себя за апелляционную либо ревизионную инстанцию. Если бы у меня было судебное дело, то его мнение стало бы для меня решающим. Многие испытывали доверие к его уму и сердцу, а его *laudum* (приговор) имел большую силу, чем приговор, купленный за деньги или облеченный в самую лучшую словесную форму. Он не был женат. Говорят, что у него случилась несчастная любовь. Жаль! Как заметил господин фон Г., жители Курляндии оказали бы его избраннице хороший прием. — Может быть!

Этот уважаемый человек обладал способностью читать мысли людей, что, казалось, было его главным занятием в обществе. Мне он говорил, что цель крупных государственных образований — единство, созданное путем совместных усилий. Как в большом, так и в малом! Разум и инстинкт учат нас, что значительная доля нашего счастья зависит от людей, и поэтому я встречаюсь с людьми, забочусь о них и радуюсь, если нахожу что-либо необычное. В обществе все рассчитано на некий определенный горизонт.

Я все еще вижу перед собой этого мужчину с его открытым, очень открытым лбом, черными волосами, с глазами, в которых отражался весь его внутренний мир. Он собирал иногда вечером небольшой круг гостей, в который приглашал и меня. Эти собрания я никогда не пропускал. Там я встречал офицера, королевского советника, пастора и одного профессора. Все они были для меня — каждый по-своему — учителями. Иногда он раскрепощался. Он бросал монеты, и я должен честно признаться, что если я когда-либо в своей жизни от души кушал и пил, то это было здесь. Я до сих пор удивляюсь, как мне было хорошо. Когда он не мог больше затягивать, он устраивал большой прием. И тогда он делал немного больше, чем положено. И тогда ему были нужны и офицер, и королевский советник, и пастор, и профессор и я.

Персонаж, ведущий репортаж во втором томе «Жизнеописаний...» [4, S. 180—183], является самостоятельно действующим героем романа как Я-повествователь. В исполнении этого рассказчика под руководством Гиппеля, достигшего к тому времени почти сорокалетнего возраста, в этом романе, задуманном в качестве завершающего, насчитывающего ровно 2 тыс. страниц гигантского произведения, часто даются в биографической и иногда смешанной форме описания различных персонажей. Так, под первым упоминаемым в этом тексте местом («дом одного окружного судьи») речь идет, по всей вероятности (в отличие от Канта, в биографии Гиппеля нет других документально подтверждаемых собраний с участием офицеров), о богатом доме на улице Голлендербаум голландского, «очень элегантного доктора римского права и советника юстиции» Теодора Поликарпа Войте (*Dr. Theodor Polykarp Woyt*) [16, S. 57—59], сыне умершего в 1709 г. от чумы профессора, доктора медицины Иоганна Якоба Войта, где молодой немущий студент из Гердауэна получил с 1756 г. место домашнего учителя, которое, хотя и освободило его от материальных забот, но из-за трудного характера ребенка стоило ему больших усилий. Этот опытный светский лев (Войт) часто приглашал к себе гостей, и среди них были офицеры местного гарнизона. Племянник супруги советника юстиции по имени Хендрик ван Войт служил в русской армии. Именно он во время Семилетней войны в начале 1761 г. взял Гиппеля в судьбоносную для него поездку к

царскому двору в Петербург [16, S. 83–85]. Полные оговорки намеки на происхождение и богатство Войта, а также признание в том, что он неохотно принимал участие в «коротающих время» застольях, свидетельствуют — даже спустя двадцать лет — о неудовольствии писателя униженным и стесненным положением в чужом богатом доме. Эти собрания и темы бесед в кругу офицеров, по-видимому, уже тогда не соответствовали его интересам и его культурному уровню! За это он не остался в долгу: уже в молодые годы, и особенно после того, как преуспел в жизни, — он был тщеславным и высокого мнения о себе, — он чрезвычайно удачно описал свою собственную персону в образе «королевского советника» — титул, который был ему присвоен в 1780 г. как видному успешному юристу и самому молодому советнику города. Тот, кто видел портрет Гипшеля после назначения его в 1780 г. управляющим бургомистром, который висел в Прусском музее вплоть до падения Кёнигсберга, сразу все поймет¹. Высокий лоб, черные как смоль волосы, такие же темные глубоко посаженные глаза, благородная, почти королевская осанка того самого мужчины «около сорока», по которому видно, что он получил всестороннее образование — это мог быть только сам Гипшель! Его элегантная дипломатическая скромность, умение приспосабливаться к любой обстановке, его умная, изысканная речь и прежде всего похвальное упоминание его обширных знаний в области права, а также его готовность с открытым сердцем и умом принимать «игроков, играющих честно». Кроме того, его явный намек на то, что он может писать!! Современники Гипшеля сообщают, главным образом уже после его смерти, о том, что он, находясь в обществе, очень внимательно все слушал, чтобы затем использовать услышанное в своих анонимно распространяемых литературных произведениях [12, S. 161–173]. Сомнения в правильности идентификации этого с похвальной тщательностью описываемого юриста полностью снимаются двойным указанием на то, что он, с одной стороны, не был женат по причине окутанной тайной неразделенной любви, а с другой — в заброшенном курляндском студенческом поселении, как говорят, соблазнил определенное количество девушек. Дело в том, и это хорошо известно, что Гипшель всю свою жизнь страдал от неразделенной в юности любви к одной очень молоденькой дворянке из восточнопрусского Вессельсгофена [16, S. 97–116]. А позднее, будучи уже в зрелом возрасте, пережил, но уже при других обстоятельствах, похожее фиаско с одной столь же загадочной «дамочкой», которую затем соблазнил один житель Курляндии [3; 16; 11, S. 190–196; S. 218–220]. Его подчеркнутая в «Жизнеописаниях...» неприязнь к жителям Курляндии стала, так сказать, второй натурой Гипшеля. Другие темы бесед в доме Войта не упоминаются, не говоря уж о деталях! Но чувствуется следующее: обе эти истории глубоко запали в душу писателя!

Но в свидетельствах об атмосфере, царившей за столом у Канта, нет ни одного нелестного отзыва какого-либо свойства, едва ли можно найти сообщение о плохом настроении или о каком-либо неудобстве.

Автор «Жизнеописаний...» не останавливается на этом. Вопреки всему он испытывает потребность выразить благодарность тем людям, которых он

¹ См.: [12]; портрет помещен в начале этой книги.

искренне любил и обществом которых он явно наслаждался, и написал второй краткий благожелательный очерк с целью, так сказать, корректировки общественной атмосферы в городе. Очевидно, речь идет о его самых лучших в то время друзьях, даже если не исключены полностью экскурсии в прошлое. Для этих высокоценных им людей, каждого из которых он рассматривает в определенном отношении как своих умудренных жизнью «учителей», он устраивает небольшие «вечеринки» и даже «званные обеды», чего не делал Кант. На них порой довольно весело, так как он «иногда» даже позволяет себе «вольности».

Эти собрания принадлежат, со всей очевидностью, к его жизненному распорядку, и он признается, что всегда был и остается заядлым спорщиком во всякой компании, хотя и в умелой светской манере, как это в действительности делал авторитарный Гиппель, когда находился в обществе. В этом обществе фигурирует также один офицер. Возможно, речь идет, судя по воспоминаниям, о его друге юности Давиде Ноймане, который родился в 1737 г. в Велау (Восточная Пруссия) и уже в 1756 г. стал членом масонской ложи. Начав изучать юриспруденцию, он становится адъютантом в добровольческом корпусе генерала фон Клейста, а затем в звании лейтенанта принимает участие в войне за наследство в качестве адъютанта генерала Роткирха. Затем, будучи возведен в дворянское достоинство, принимал участие в Рейнской компании, а в 1802 г. был назначен комендантом крепости Козел, чтобы затем в 1807 г. в звании генерал-майора до заключения Тильзитского мира сохранить эту должность, проявив героизм за короля [16, S. 60–65]. По своему темпераменту он был во многом похож на Гиппеля.

Но возможно также, что речь идет о часто упоминаемом Гиппелем в своих письмах к Шеффнеру, начиная с 1777 г., а впоследствии провинциальном министре Фридрихе Леопольде бароне фон Шрёттере (1743–1815), члене масонской ложи с 1764 года [1, S. 152–153, 244; 16, S. 211–212]. В то время он был лейтенантом Майерского полка драгун в Кёнигсберге и хорошим другом Гиппеля, пока не стал министром, не занял пост, на который долгое время метил сам Гиппель.

Следующий упоминаемый как «королевский советник» — еще один! — и как «коллега» член общества — это, по всей вероятности, референдарий Верховного суда, а в последствии криминальный и городской советник Кристиан Фридрих Йенш, который, как об этом пишет Рейш в своих «Исторических воспоминаниях», был «очень открытым человеком с ясным умом и большой порядочности, хорошо начитанным и пользовался благодаря здравому смыслу в политических вопросах большим уважением» [16, S. 210–211]. Как и Гиппель, он был членом масонской ложи и старым холостяком. Говорят, что он оказал существенную помощь Гиппелю в написании трудов по проблеме женской эмансипации.

Под именем «пастор» мог скрываться ставший позднее протестантским епископом Людвиг Эрнст Боровский (1740–1831), человек, который сопровождал Гиппеля на протяжении всей его жизни, начиная со студенческих лет в Кёнигсберге, и по этой причине стал одним из ценнейших источников сведений не только о Гиппеле, но и Канте [11; 12]. Но может быть, что речь идет и о кёнигсбергском пасторе Карле Готтлибе Фишере, которого Гиппель очень ценил [16, S. 203–204].

А под названным «профессором» имеется в виду, вне всякого сомнения, Иммануил Кант. Именно Канта он изображает в своем романе несколькими страницами ранее — не без иронии, в связи с его философской теорией познания, но оба они оставались каждый до конца своей жизни большими друзьями. Более того, когда после смерти Гиппеля многие из его бывших знакомых, узнав о его долгое время державшемся в секрете авторстве, набросились на него, ставшего теперь безответным, Кант был единственным, кто решительно взял Гиппеля под свою защиту. И это несмотря на то, что его бывший ученик еще до появления «Критики чистого разума» во втором томе своего романа как бы «украл» ее появление [11, S. 403—419; 12, S. 211—220].

Кант, будучи еще молодым магистром, стал, по-видимому, его [Гиппеля] близким другом, как это следует, например, из письма к Шеффнеру от 4 ноября 1769 г., где Гиппель называет Канта уже фамильярно «хорошим малым», который «является и остается его очень хорошим другом» [3, Bd. 8, S. 118—121].

Давний близкий друг Гиппеля, военный советник и товарищ по масонской ложе Иоганн Георг Шеффнер (1736—1820) [16, S. 148—150], странным образом не упоминается в этом кругу, как и его конгениальный близкий друг, «северный маг» Иоганн Георг Гаманн (1730—1788). Но оба они стали потом прототипами других персонажей романа. Это объясняется, по-видимому, тем, что довольно зажиточный Шеффнер после оставления в 1775 г. службы в Прусской администрации жил за пределами Кёнигсберга в своих поместьях в Штолценберге под Гданьском или в Шприндлаке, Эберсвальде либо в Таплакене. Он появлялся в Кёнигсберге только иногда, в то время как общительный «маг» каждый день встречался с Гиппелем, чтобы пообедать или совершить с ним прогулку, но по причине своего странного образа жизни не совсем вписывался в его более широкий круг общения.

* * *

Дружеские собрания, кратко описываемые Гиппелем, возникли по времени раньше, чем известные кантовские. Они появились из-под пера романиста и отражали идейные искания и настроения писателя. Они объединяют, без сомнения, в значительной мере более разных людей, взятых из прошлого или настоящего, чем это имеет место у Канта. Поэтому можно предполагать, что содержание их бесед на протяжении многих лет было иным, чем у Канта, который, как известно, за обедом предпочитал не говорить на философские темы. Кант в молодости любил общаться с офицерами; Гиппель значительно меньше. Кант поддерживал разнообразие и организовывал застолья с непохожими участниками. Гиппель предпочитал ограниченное число и, главным образом, одних и тех же участников. Для Канта важным было веселье и отдых; Гиппель любил назидательный обмен мыслями в вечернее время. У Канта всегда подавался обед; у Гиппеля — только иногда, но зато стол был очень обилен, как во время праздника. Если Кант умел оставаться за столом (как и на лекции) чрезвычайно интересным, то это же можно сказать и о Гиппеле. Еще в 1815 г. Шеффнер сообща-

ет о том, что глаза владельца типографии Николовиуса светились, когда он рассказывал о своих беседах с Кантом или Гиппелем. И Шеффнер признается:

Несмотря на то что я только после смерти Гиппеля проник за его кулисы и понял, что он играл, у меня никогда в жизни не будет больше такого общения, какое было с ним. Как он вникал, как был непосредственен, как рассуждал и как поучителен он был! Я повторяю еще раз: я бы выкупил его обратно в жизнь за половину своего состояния [15, S. 382–384].

Присутствие их обоих в обществе становилось, должно быть, событием!

На картине, являющейся плодом фантазии художник и нарисованной Эмилем Дёрстлинггом много (1892–1893) лет спустя, которая висела сначала в ратуше Кёнигсберга, а потом в городском музее, представлены, как мы предполагаем по имеющимся сведениям, слева направо: слуга Канта Лампе, коммерсант Якоби, Кант, коммерсант Мотерби, специалист по финансам и ученик Канта Кристиан Якоб Краузе (он стоит), Иоганн Георг Гаманн, военный советник Иоганн Георг Шеффнер, врач Хаген; впереди слева: Теодор Готтлиб фон Гиппель и архиепископ Боровский. Но Гиппель, элегантно одетый во все черное (или красное?), как бургомистр занимает почетное место и отчетливо узнаваем в соответствии с упомянутым выше портретом в «Жизнеописаниях...» и официальным портретом бургомистра в старом Прусском музее (Prussia-Museum).

Из представленных на этой картине в действительности как у Канта, так и у Гиппеля (за исключением, быть может, Якоби до развода последнего с Шарлоттой Швинк)², только Гиппель был постоянным гостем. Шеффнер находился за городом, а Гаманн как заклятый противник Кантовой теории познания бывал, как известно, всего раза два в доме философа; Кант его, по возможности, избегал. Так как Гиппель упоминает инкогнито Канта в своем романе уже в 1779 г., то вполне возможно, что Кант последовал примеру гиппелевских собраний. Во всяком случае, оба были в тот период хорошо знакомы друг с другом. Но важнее тот факт, что эти собрания и встречи представляли собой интеллектуальную потребность, которая значительно обогащала духовную жизнь города-университета, города-порта, города-крепости и административной столицы. Еда и питье подкрепляли духовную жизнь. В этом оба были единомышленны. И хотя подобные, ставшие традиционными собрания существовали и в других местах, но что касается провинциальной столицы Восточной Пруссии, здесь они стали легендой. Примерно с 1805 г. под влиянием политических событий во Франции и во всей Европе они продолжались, но уже на другом уровне и с другим содержанием.

Перевод с нем. И. Д. Концева

Список литературы

1. *Abegg J. F. Reisetagebuch von 1798 / Hrsg. von W. und Y. Abegg, Z. Batscha. Frankfurt a. M., 1976.*
2. *Hermes J. T. Sophiens Reise von Memel nach Sachsen : in 6 Bde. 3. Aufl. Leipzig, 1778.*
3. *Hippel T. G. von. Briefwechsel // Sämtliche Werke. 14 Bde. Berlin, 1828–1839. Bd. 13, 14.*

² Zur Affäre der Charlotte Jacobi – Göschen – см.: [10].

4. *Hippel T. G. von. Lebensläufe nach Aufsteigender Linie // Sämtliche Werke. 14 Bde. Berlin, 1828 – 1839. Bd. 2.*
5. *Hippel T. G. von. Lebensläufe nach Aufsteigender Linie. Nebst Beylagen A, B, C. 3 Theile, 4 Bde. Berlin, 1778 – 1781. Bd. 2. 1779.*
6. *Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von Ludwig Ernst Borowski, Reinhold Bernhard Jachmann und A. Chr. Wasianski / Hrsg. von F. Groß. Berlin, 1912.*
7. *Kohnen J. Theodor Gottlieb von Hippel, 1741 – 1796. L'homme et l'œuvre. 2 Bde. Bern ; Frankfurt. a. M. ; N. Y., 1983. Bd. 1.*
8. *Kohnen J. Baczkos Abentheuer eines Maurers zur Warnung für Geweihte und Profane // Germanistik. Publications de l'Université du Luxembourg. 2005. Nr. 20. S. 13 – 34.*
9. *Kohnen J. Ein Königsberger Roman der Späten Aufklärung: Müller der Menschenverächter und seine fünf Töchter // Königsberg-Studien. Beiträge zu einem besonderen Kapitel der deutschen Geistesgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts / Hrsg. von J. Kohnen. Frankfurt a. M., 1998. S. 345 – 365.*
10. *Kohnen J. Ein Zeugnis Königsberger Spätaufklärung. Ludwig von Baczkos Karl von Adlerfeld // Königsberger Beiträge. Von Gottsched bis Schenkendorf / Hrsgs. v. J. Kohnen. Frankfurt a. M., 2002. S. 181 – 198.*
11. *Kohnen J. Maria Charlotta Jacobi-Göschel. Eine merkwürdige Freundschaft Immanuel Kants // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. 1991. Jg. 24, H. 103. S. 169 – 182.*
12. *Kohnen J. Theodor Gottlieb von Hippel. Eine zentrale Persönlichkeit der Königsberger Geistesgeschichte. Biographie und Bibliographie. Lüneburg, 1987. Anhang.*
13. *Kohnen J. Zu Ludwig v. Baczkos Folgen einer akademischen Mädchenerziehung // Abweichende Lebensläufe, poetische Ordnungen. Für Volker Hoffmann. Bd. 1 / Hrsg. v. T. Betz und F. Mayer. München, 2005. S. 117 – 136.*
14. *Mühlpfordt H. M. Königsberger Leben im Rokoko. Bedeutende Zeitgenossen Kants. Siegen, 1981. S. 1 – 23.*
15. *Scheffner J. G. Mein Leben, wie ich, J. G. Scheffner es selbst beschrieben. Leipzig: Königsberg, 1821.*
16. *Schneider F. J. Theodor Gottlieb von Hippel in den Jahren von 1741 bis 1781 und die erste Epoche seiner literarischen Tätigkeit. Prag. 1911.*

Об авторе

Йозеф Конен – д-р философии, проф. Люксембургского университета, joseph.kohnen@internet.lu

О переводчике

Иван Демьянович Концев – д-р филол. наук., проф. кафедры теории языка и межкультурной коммуникации БФУ им. Канта, ivan.korcev@mail.ru

A KÖNIGSBERG SOCIETY OF FRIENDS WITHOUT KANT

J. Kohnen

The legends about dinner parties of Immanuel Kant's friends have been known since the times of his first biographers and other contemporaries. However, there were other communities of friends in Königsberg. Gathering friends at a dining table for the purpose of intellectual communication became a tradition in Königsberg in the 17th/18th centuries. This tradition created a sub-system of creative communication and leisure bringing

together both nobility and aristocracy and ordinary curious citizens. The reasons behind this phenomenon were the geographical, geopolitical, and cultural and historical position of Königsberg – a large provincial trade and cultural centre of East Prussia.

The focus of the article is the historical and documentary analysis of the group 'portrait' of the participants of Königsberg meetings described in the novel *Lebensläufe nach aufsteigender Linie* by Theodor Gottlieb von Hippel, who served as a long-standing burgomaster of Königsberg, anonymously authored several books, and held friendly meetings at home. The author juxtaposes the epic portrait of Hippel as one of the novel's characters – the host featured in the *Lebensläufe* – with the picture of Emil Doerstling showing a dinner party held by Kant, which brought together local celebrities, among whom Kant's friend Hippel is depicted in the foreground. A copy of this picture is exhibited in Kant's Museum at the Kaliningrad Cathedral.

The article makes an interesting and convincing attempt at identifying the historical figures shown in both group portraits – *Lebensläufe* and the picture by Emil Doerstling.

Key words: Königsberg, East Prussia, dinner party, Kant, Hippel, *Lebenslauf nach aufsteigender Linie*, self-portrait, Doerstling, group portrait, table partners, intellectual and creative communication, leisure, tradition.

References

1. Abegg, J. F. 1976. *Reisetagebuch von 1798* /Hrsg. von W. und Y. Abegg, Z. Batscha. Frankfurt a. M.: Insel.
2. Hermes, J. T. 1778. Sophiens Reise von Memel nach Sachsen. In: *6 Bde. 3. Aufl.* Leipzig: J. F. Junius.
3. Hippel, T. G. von. Briefwechsel. In: *Sämtliche Werke*. XIV Bde. Berlin: Georg Reimer, 1828–1839. Bd. XIII, XIV.
4. Hippel, T. G. von. *Lebensläufe nach Aufsteigender Linie*. In: *Sämtliche Werke*. XIV Bde. Berlin: Georg Reimer, 1828–1839. Bd. 2.
5. Hippel, T. G. von. 1779. *Lebensläufe nach Aufsteigender Linie*. Nebst Beylagen A, B, C. 3 Theile, 4 Bde. Berlin, 1778–1781. Bd. 2.
6. Immanuel Kant. *Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von Ludwig Ernst Borowski, Reinhold Bernhard Jachmann und A. Chr. Wasianski* /Hrsg. von F. Groß. Berlin, 1912.
7. Kohnen, J. 1983. *Theodor Gottlieb von Hippel, 1741–1796. L'homme et l'œuvre*. 2 Bde. Bern-Frankfurt. a.M.: Peter Lang; New York: Nancy, Bd. 1.
8. Kohnen, J. 2005. Baczkos Abentheuer eines Maurers zur Warnung für Geweihte und Profane. In: *Germanistik. Publications de l'Université du Luxembourg*. 2005. Nr. 20. S. 13–34.
9. Kohnen, J. 1998. Ein Königsberger Roman der Späten Aufklärung: Müller der Menschenverächter und seine fünf Töchter. In: *Königsberg-Studien. Beiträge zu einem besonderen Kapitel der deutschen Geistesgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts*. Hrsg. von J. Kohnen. Frankfurt a.M.: Peter Lang, S. 345–365.
10. Kohnen, J. 2002. Ein Zeugnis Königsberger Spätaufklärung. Ludwig von Baczkos Karl von Adlerfeld. In: *Königsberger Beiträge. Von Gottsched bis Schenkendorf* /Hrsg. v. J. Kohnen. Frankfurt a. M.: Lang, S. 181–198.
11. Kohnen, J. 1991. Maria Charlotta Jacobi-Göschel. Eine merkwürdige Freundschaft Immanuel Kants. In: *Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde*. 1991. Jg. 24, Heft 103. S. 169–182.
12. Kohnen, J. 1987. *Theodor Gottlieb von Hippel. Eine zentrale Persönlichkeit der Königsberger Geistesgeschichte*. Biographie und Bibliographie. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, Anhang.

13. Kohnen, J. 2005. Zu Ludwig v. Baczkos Folgen einer akademischen Mädchen-erziehung. In: *Abweichende Lebensläufe, poetische Ordnungen*. Für Volker Hoffmann. Bd. I. / Hrsg. v. T. Betz und F. Mayer. München, S. 117–136.

14. Mühlpfordt, H. M. 1981. *Königsberger Leben im Rokoko. Bedeutende Zeitgenossen Kants*. Siegen, S. 1–23.

15. Scheffner, J. G. 1821. *Mein Leben, wie ich, J.G. Scheffner es selbst beschrieben*. Leipzig: J. Neubert; Königsberg: Nicolovius.

16. Schneider, F. J. 1911. *Theodor Gottlieb von Hippel in den Jahren von 1741 bis 1781 und die erste Epoche seiner literarischen Tätigkeit*. Prag: Taussig und Taussig.

About the author

Dr Josef **Kohnen**, University of Luxembourg, Luxembourg, joseph.kohnen@internet.lu

About the translator

Prof. Ivan **Koptsev**, Department of Theory of Language and Cross-cultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, ivan.kopcev@mail.ru